

**А.А. Погребняк,
Национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики (ИТМО);
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)**

**ЦИФРОВОЕ, МАТЕМАТИЧЕСКОЕ, ПОЭТИЧЕСКОЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ Р. МУЗИЛЯ¹**

Творчество Роберта Музиля базируется на реалиях начала XX века. Однако спустя столетие оно предстает по-новому актуальным. Это касается размышлений Музиля о специфике математического и поэтического мышления, а также его критики, направленной на австрийское общество эпохи заката Габсбургской империи. Можно показать, что эта критика применима к особенностям «цифровой эпохи», в которую вступило нынешнее общество.

Ключевые слова: цифровое, математическое, поэтическое, история, Роберт Музиль.

**A.A.Pogrebnyak,
Saint Petersburg National Research University
of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University);
National Research University
«Higher School of Economics» (NRU HSE)**

**DIGITAL, MATHEMATICAL, POETIC:
THE RELEVANCE OF R. MUSIL**

Robert Musil's work is based on the realities of the early 20th century. However, a century later, it appears relevant in a new way. This concerns Musil's reflections on the specifics of mathematical and poetic thinking, as well as his criticism of Austrian society in the era of the decline of the Habsburg Empire. It can be shown that this criticism is applicable to some features of the «digital age» that today's society has entered.

Keywords: digital, mathematical, poetic, history, Robert Musil.

¹ В работе представлены результаты проекта «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемиотика» (ФИ-2025-74), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

В своем историко-филологическом травелоге «Дунай» Клаудио Магрис приводит свои впечатления от Будапешта 80-х годов прошлого века – неожиданно столица социалистической Венгрии ассоциируется у него с образами мегаполисов будущего:

«Отсутствие стиля у эклектичных, стилизованных под старину будапештских зданий – внушительных, украшенных тяжеловесным декором – порой кажется диковинным ликом грядущего, обращенным одновременно в прошлое и в будущее пейзажем больших городов, предсказанных в научно-фантастических фильмах вроде «Бегущего по лезвию»: будущее, наступившее после конца истории, лишенное стиля, населенное многоязычной, смешанной толпой, в которой не различить национальности и этносы, где краснокожие левантийцы живут среди лачуг и небоскребов, компьютеров двенадцатого поколения и выкопанных из прошлого заржавелых велосипедов, руин четвертой мировой войны и роботов сверх-человеков» [1, с. 408–409].

Собственно, эта одновременность – смешанность, неразличимость – архаики и футуризма, многократно нарисованная поэтикой киберпанка, давно уже не является фантазией: если о четвертой (или третьей) мировой войне (или о ее начале, продолжении, окончании) еще можно спорить, то использование ископаемых велосипедов в городском хозяйстве уже давно стало нормой. Эту картину можно дополнить еще одной деталью: тотальная технизация жизненного мира современного человечества, позволяющая говорить о нашем времени как о «цифровой эпохе» и порождающая тревоги по поводу полной дегуманизации существования в мире, отданного на откуп «цифре», сопровождается ростом фантазий о возвращении истории как выражении воли к суверенитету. Неслучаен поэтому интерес к наследию Карла Шмитта, например, к его учению о «катехоне» как могуществе противостоять наступающей «аномии» посредством «подлинно политических» решений [2, с. 275–296]. «Компьютеры двенадцатого поколения» и «выкопанные из прошлого заржавелые велосипеды» способны образовывать причудливый ассамбляж: жест возвращения Истории пытается придать состоятельность и респектабельность реальному господству технико-экономического диспозитива.

В этом контексте творчество Музиля, осмыслявшего реалии своего века, сегодня, спустя сто лет, неожиданно предстает как предвосхищение критики онтологических оснований жизни в условиях «цифровой эпохи». Так, в своем незаконченном «Человеке без свойств» он показывает, как главный герой неожиданно прерывает подготовку так называемой «параллельной акции» по празднованию семидесятилетия правления императора Франца Иосифа I и, удалившись со сце-

ны публичной жизни, пускается со своей вновь обретенной сестрой в рискованный эксперимент – вдвоем они пытаются реализовать такую форму жизни, где предпочтение было бы отдано не катастрофе оправданного законом «действия» (мировая война), а существованию едва ли не по ту сторону «закона законов» – закона, разделяющего природу и культуру (запрет на инцест). Первый том романа, посвященный подготовке параллельной акции, сатирически описывает проект полной «оцифровки» общественной жизни Австро-Венгерской империи («Какании») с целью актуализировать ее сам по себе тяготеющей к аморфности потенциал, подчинив ее некой Идее (что выглядит как гальванизация истории, символизируемая фигурой престарелого императора); второй же том посвящен утопии «спасения от Спасения», то есть поиска (пусть и обреченного на провал) выхода из этого катастрофического процесса, направленного к мировой войне. «Всякий наследник Габсбургов – истинный человек будущего, потому что он раньше других научился жить без будущего, в момент разрыва исторической связи – не жить, а выживать» [1, с. 409]. Если в высшем обществе Вены заняты поиском идеи, которая в конечном итоге выразится в императиве действия ради действия, то Ульрих вдруг выбирает, словно бы по контрасту, иную форму существования – существования, где предпочтение отдается чистой потенциальности, и где возможное рискованно соприкасается с «невозможным и неестественным», напоминая «ту свободу, с какой математика порой прибегает к абсурду, чтобы добраться до истины» [3, с. 101].

Отсылка к математике здесь не случайна. В своем эссе «Человек математический» Музиль противопоставляет собственно математическое мышление мышлению, направленному исключительно на техническое обеспечение чисто утилитарной деятельности (то есть как раз той форме мысли, которая в наши дни представляет собой идеологию «цифровизации»):

«Где-то в глубине, внутри своей науки трудится одиночка-математик, и его окна выходят не на улицу, а в соседние помещения. Он специалист, ибо никакой гений не может охватить науку целиком. Когда-нибудь, он верит в это, предмет его раздумий найдет практическое применение; но не это его подхлестывает; он служит истине, то есть своей судьбе, а не ее цели. Пусть результат даст тысячекратную экономию, не в этом суть; все дело в самоотдаче, в страсти.

Математика есть роскошь, которую позволяет себе чистый разум, – роскошь бросаться вперед очертя голову» [4, с. 329].

С позиции Музиля, подобным образом понятое математическое познание будет максимально приближаться к познанию поэтическому: если первое представляет собой царство правил, из которых, однако, бывают исключения (кото-

рые математик все же надеяться когда-нибудь правилу подчинить), то во втором царстве само исключение играет роль правила. Однако вместо того, чтобы на месте исключения монтировать диспозитив суверенной власти, реализуя фантазию подчинить ресурсы цифровой экономики политическому решению, преследующему «подлинно исторические» цели и «спасающему» нас от неизбежной анонимии, в этом месте можно учиться изобретать жизненные стратегии, альтернативные той линии развития, которые преподносятся как якобы альтернативы не имеющие.

Список литературы:

1. Магрис К. Дунай. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. 632 с.
2. Хестанов Р. Катехон в эпоху ярости кибернетических систем // Логос. Т. 34, № 6. 2024. С. 275–296.
3. Музиль Р. Человек без свойств. Книга вторая. М.: Ладомир, 1994. 502 с.
4. Музиль Р. Жизнь без свойств: [новеллы, эссе, дневники]. СПб.: ООО «Издательство Пальмира»; М.: ООО «Книги по Требованию», 2017. 479 с.